

Мирные семьи: усилия американских мусульман в борьбе с домашним насилием

Принстон: Издательство Принстонского университета, 2019.
392 страницы.

ДЖУЛИАН ХАММЕР (JULIANE HAMMER)

Пригород Огайо, где я проживаю, гордится своей безопасностью. В основном это утверждение звучит правдоподобно, за исключением наличия истории двух женщин из нашей общины, которые были убиты своими мужьями за последние два года. «Мирные семьи: усилия американских мусульман в борьбе с домашним насилием» Джулиан Хаммер вызывает читателей противостоять этой широко распространенной и скрытой форме насилия. Основываясь на масштабных наблюдениях с привлечением участников, интервью с активистами и анализе средств массовой информации и другой литературы, Хаммер исследует многосторонние усилия активистов по борьбе с домашним насилием (ДН) для искоренения домашнего насилия в мусульманских общинах и для оказания помощи и поддержки потерпевшим.

Рецензия на эту книгу начинается нестандартно – подход, который отражает настоятельный призыв Хаммер, обращенный к ученым, – отказаться от академических претензий на критическую дистанцию, когда они пишут об укоренившихся социальных проблемах. Мотивация Хаммер для написания

книги «Мирные семьи» – «остановить насилие» (1–2). Эта цель, наряду с феминистской приверженностью Хаммер гендерной справедливости, означает, что она стремится «найти баланс между анализом, который часто содержит прямую или косвенную критику», и попыткой «воздать должное работе мусульманских борцов с ДН» (23). Эта феминистская приверженность иногда находится в противоречии с подходами защитников женщин от ДН и религиозных авторитетов, таких как имамы. Хаммер придерживается в высшей степени рефлексивного подхода, когда она отказывается от аналитических ходов, таких как деконструкция и другие формы критики, отдавая приоритет голосам потерпевших и активистов. Она также старательно защищает личности своих собеседников с помощью собирательных этнографических портретов, демонстрирующих степень травмы, которую пережили потерпевшие, и множество вызовов, с которыми сталкиваются защитники, пытаясь им помочь. В дополнение к признанию важнейшей работы, которую проводят борцы с ДН, «Мирные семьи» – это яркое феминистское размышление об академической этике и ответственности ученых перед сообществами, на которые они опираются в своей работе.

Из этого подхода следует показательный портрет жизненно важной работы мусульманских защитников женщин от ДН и организаций. С самого начала Хаммер отмечает, что структура деятельности борцов с ДН среди американских мусульман, как и движение против ДН в США в более широком смысле, внутренне разнообразна и находится в постоянном движении из-за нехватки финансирования, выгорания активистов и государственного вмешательства. Однако независимо от организационной структуры, борцы с ДН разделяют «этику ненасилия», отражающую практику, которая лежит в основе того, как они преодолевают напряженность вокруг текстуальной интерпретации, религиозного авторитета и гендерных норм в американских мусульманских сообществах (2). Эта этика ненасилия является первостепенной; затем защитники обращаются к таким текстам, как Коран, за религиозной поддержкой и за помощью в их усилиях по мобилизации мусульманских общин. В то же время борцы с ДН работают чтобы прекратить насилие и поддержать пострадавших в связи с основным движением против ДН, а также более широкими американскими культурными дискурсами, которые постулируют исключительную склонность мусульман к насилию в семье. Она использует концепцию «охранительный патриархат»

(protective patriarchy) для описания модели семьи, которую борцы с ДН используют в качестве «стратегического инструмента» и «идеологического компромисса» для мобилизации мусульманских сообществ на решение проблем семьи, которые вызывают постоянную обеспокоенность (16). Эта стратегия имеет решающее значение для того, чтобы развеять в мусульманских общинах подозрение, что активисты стремятся разрушить традиционные мусульманские семейные структуры.

Как члены группы, находящейся под пристальным наблюдением, американские мусульманские борцы с ДН противостоят домашнему насилию в политической атмосфере, сопряженной с «антимусульманской враждебностью» (38). Первая глава начинается с противоречивого эффекта бури в СМИ, произошедшей в связи с ужасающим убийством Асии Зубайр в 2009 г. С одной стороны, Хаммер показывает, как убийство подняло значимость проблемы домашнего насилия среди американских мусульман. С другой стороны, этот инцидент, в частности, сделал мусульман объектом расистских высказываний и подозрений в их предполагаемой склонности к «убийствам чести». Это пристальное внимание приводит к тому, что в дальнейшем потерпевших заставляют молчать, что мешает мусульманским общинам осознавать проблему и сужает и без того ограниченный выбор, который есть у защитников, когда они стремятся положить конец насилию (54).

Несмотря на политическую, религиозную и медийную среду, которая способствует тому, чтобы заставить потерпевших замолчать, «Мирные семьи» показывает, что сеть практически не связанных друг с другом борцов с ДН повышает осведомленность об агрессии, сосредотачивает внимание на голосах пострадавших и почитает память тех мусульманских женщин, которые не пережили жестокого обращения, посредством широкомасштабных образовательных инициатив, а также услуг непосредственно пострадавшим (Глава 6). Хаммер предоставляет достаточно места рассказам потерпевших и их защитников, которые стремятся оказать поддержку по-мусульмански. Эти выразительные портреты раскрывают скрытую природу домашнего насилия, его длительные последствия и множество структурных препятствий на пути к его распознаванию, предотвращению и пресечению. Опираясь на феминистскую критику работы, Хаммер подчеркивает многопрофильные, часто невидимые формы работ, которые активисты предпринимают с минимальными ресурсами и часто в противоречии с

параллельными государственными программами и инициативами.

Главы 3 и 4 посвящены тому, как борцы с ДН используют исламские тексты и концепции для повышения осведомленности посредством образования среди американских мусульман и с применением возможных решений. Хотя их собственная этика ненасилия не обязательно коренится в исламских текстах или этике, защитники признают, что помещение их работы в исламские рамки имеет важное значение. В результате их тренинги, печатные материалы и подходы к сбору средств используют ислам как ресурс для прекращения домашнего насилия, а также как препятствующий фактор (54). Этим американские мусульманские борцы с ДН отличаются от многих обычных организаций против ДН, которые часто рассматривают религиозные традиции как препятствие на пути к прекращению домашнего насилия (54). В противоположность этому, мусульманские борцы с ДН придают особое значение семье как «структурному элементу мусульманских общин» и обращают особое внимание на заботу о детях в дополнение к службе нуждам отдельных пострадавших (54). На тренингах и других образовательных мероприятиях, проводимых в мечетях, домах и центрах общины, борцы с ДН используют идею «целостной и исторически укоренившейся исламской традиции», чтобы опровергнуть любые предположения о том, что домашнее насилие допустимо для мусульман (73). При этом защитники женщин от ДН утверждают, что обладают полномочиями толковать священные мусульманские тексты, даже несмотря на то, что эти утверждения часто оспариваются или выражаются посредством мусульманских религиозных авторитетов-мужчин, которые часто предоставляют рекомендации пострадавшим и часто подчиняют заботу о потерпевших здоровью мусульманских семей.

Ближе к концу книги (Глава 7) Хаммер рассматривает связь мусульманских инициатив по борьбе с ДН с межконфессиональными программами и государством. Хаммер отмечает, что она не решается отвлечься от центральных предметов своего исследования в пользу изучения более широких структур и социального развития. Тем не менее, читая эту главу, мне хотелось узнать больше об этике ненасилия и о том, связано ли это и каким образом с моральными обязательствами других борцов с ДН. Хотя я ценю отказ Хаммер деконструировать теологические и этические позиции активистов, когда они рассказывают свои истории, тот факт, что защитники не ставят свою религию

в основу своей этики ненасилия, предполагает более сложный набор этических оснований, которые могли быть конкретизированы. Часто считается, что религия является основной формой идентичности и этической основы мусульман, но мнение Хаммер указывает на возможность более сложной траектории.

«Мирные семьи» представляет доступный и подробный анализ предпринимаемых на месте неустанных усилий защитников, работающих в мусульманских общинах, с целью положить конец домашнему насилию. Тем не менее значение книги далеко не локальное. Она заставляет ученых задуматься над нашими собственными действиями, сталкиваясь с агрессией не только в университетах, где она также является широко распространенной, но и в других сообществах, в которые мы вносим свой вклад. «Мирные семьи» далее предлагает нам задаться вопросом, почему одни повсеместно распространенные проблемы побуждают нас к действиям, а другие – нет. Эта книга, присоединяющаяся к растущему числу исследований, посвященных изучению религиозного контекста агрессии, является образцом для академического письма о переживших насилие и обозначает пределы нашего академического репертуара в стремлении сделать агрессию видимой и объясненной.

ДЖАСТИН ХОУВ (JUSTINE HOWE)

ДОЦЕНТ, КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

ЗАПАДНЫЙ РЕЗЕРВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КЕЙЗА

(CASE WESTERN RESERVE UNIVERSITY)

КЛИВЛЕНД, ОГАЙО

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3398